

О.П. Кобзева*

O.P. Kobzeva*

Женские божества на Великом шелковом пути

Female Goddesses Along the Great Silk Road

DOI: 10.31518/2618-9100-2019-3-20

УДК 94(5) : 297+291.13

Выходные данные для цитирования:

Кобзева О.П. Женские божества на Великом шелковом пути // Исторический курьер. 2019. № 3 (5). Статья 20. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-3-20.pdf>

DOI: 10.31518/2618-9100-2019-3-20

How to cite:

Kobzeva O.P. Female Goddesses Along the Great Silk Road // Historical Courier, 2019, # 3 (5). Article 20. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-3-20.pdf>

Abstract. The article considers legendary and mythical female images from the regions situated along the Great Silk Road in Antiquity and the Early Middle Ages. Over hundreds of years, female goddesses were of key importance in religious beliefs of Central Asian population, while female spiritual semantics represented by a pantheon of various divine and mythological images played a vital role in the development of spiritual culture of ethnoses living in Central Asia. This culture was handed down through generations, incorporated new traits and transformed itself, which resulted in creation of new images of revered saints and patrons. Using the example of evolving representations of female goddesses honored by the Turkic population of Central Asia, the article shows mutual influences of various ethnic cultures and religious cults (Zoroastrianism, Buddhism, and Islam); analyzes problems related to the origin and evolution of cults of goddesses focusing on those from the Zoroastrian pantheon and their subsequent syncretism. The author also addresses female divine images from the Tengrist pantheon and their centuries-long integration in the Islamic cult of honoring the saints; describes the role of the Great Silk Road along which the cultural exchange took place in the complex processes of merging female images of goddesses and protectrices during the period under consideration. The study of these issues will allow re-evaluating the accomplishments of our ancestors, understanding the interaction mechanism of intercultural communication along with process of transformation of spiritual culture in the entire Eurasian space.

Keywords: Great Silk Road; female images of goddesses and protectrices; Zoroastrianism; Buddhism; Shamanism; syncretism; tolerance.

The article has been received by the editor on 15.12.2018.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье рассматриваются легендарные и мифические женские образы, существовавшие в местах, через которые проходил Великий шелковый путь в древности и раннем Средневековье. Женские божества на протяжении столетий занимали важнейшее место в верованиях среднеазиатского населения, а женская духовная семантика, представленная разнообразным пантеоном божественных и мифологических образов, сыграла большую роль в развитии духовной культуры народов Средней Азии. Передаваясь из поколения в поколение, вбирая новые черты и видоизменяясь, она способствовала появлению новых образов почитаемых святых и покровителей. На примере эволюции представлений о женских божествах, почитавшихся тюркским населением Средней Азии, показано взаимовлияние различных этнических культур и религиозных культов: зороастризма, буддизма, ислама. Рассматриваются проблемы, связанные с происхождением и эволюцией культов женских божеств. Особое внимание уделяется богиням зороастрийского пантеона и их последующему синкретизму.

* Кобзева Ольга Петровна, доктор исторических наук, профессор, Национальный университет Узбекистана им. МирзоУлугбека (Ташкент, Узбекистан), e-mail: okobzeva75@mail.ru

Kobzeva Olga Petrovna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, National University of Uzbekistan named after MirzoUlughbek (Tashkent, Uzbekistan), e-mail: okobzeva75@mail.ru

Также рассматриваются женские божественные образы, входившие в тенгрианский пантеон, и происходившая на протяжении многих веков их интеграция в исламский культ почитания святых. Прослежена роль Великого Шелкового пути, по которому происходил культурный обмен, в сложных процессах слияния женских образов богинь и духовных покровительниц на протяжении рассматриваемого периода. Изучение этих вопросов позволит по-новому оценить достижения наших предков, понять механизм взаимодействия межкультурной коммуникации и процесс трансформации духовной культуры на всем Евразийском пространстве.

Ключевые слова: Великий шелковый путь; женские образы богинь и покровительниц; зороастризм; буддизм; шаманизм; синкретизм; толерантность

* * *

Великий шелковый путь оказал большое влияние на формирование и трансформацию мифических, легендарных и божественных образов в различных регионах Евразийского материка. Наиболее сильным это влияние было в регионе Центральной Азии. Начиная с I тыс. до н.э. вся духовная культура народов Центральной Азии развивается в тесных контактах с современной ей ирано-ахеменидской и скифо-сако-массагетской культурой, создавая синкретические религиозные представления. Новое веяние появляется в третьей четверти I тыс. (IV–II вв.) до н.э., когда на сцену среднеазиатской истории поднимаются Греко-Бактрия, Парфия и Хорезм. Оно опирается на местную традицию (бактрийскую, парфяно-маргианскую, хорезмийскую) и испытывает влияние восточного эллинизма. Длительный период существования восточной античности (IV в. до н.э. – V в. н.э.) насыщен борьбой идей, что заметно во влиянии греческой цивилизации на культуру народов Центральной Азии¹. Однако следует сказать, что в последующие периоды направление изменилось в сторону индийской, китайской (буддийской) и кавказской культуры, что в наибольшей степени проявилось в так называемый Кушанский период. Кушанская империя включала территории Средней Азии, Афганистана, Северной Индии и часть Восточного Туркестана. Узбекистан входил в состав Кушанской империи со II в. до н.э. до IV в. н.э.² Кушаны обладали религиозной веротерпимостью, в данный период поддерживались различные религиозные представления и традиционные культуры.

В данной статье рассматриваются легендарные и мифические женские образы, существовавшие в местах, через которые проходил Великий шелковый путь во времена Кушанской империи. Эти образы играли важную роль в религиозных представлениях местного населения и формировании его культурных традиций. К освещению связанных с данной проблематикой вопросов обращались многие исследователи, в том числе Э.В. Ртвеладзе, Г.Я. Дресвянская, А.А. Мусакаева, Э. Гюль и другие. И все же эту многогранную тему нельзя считать до конца исчерпанной. Основываясь на литературе, мы представляем краткий обзор легендарных и мифических женских образов, существовавших в местах, через которые проходил Великий шелковый путь в древности и раннем Средневековье.

Начнем с чрезвычайно важного для засушливого климата Средней Азии божества, связанного с водной стихией. **Ардви-Сура-Анахита** – богиня священных вод, девушка, носящая венец из чеканного золота, золотую обувь, плащ из меха выдры, обитающая на звездах, в это время по-прежнему остается одним из главных божеств зороастрийского пантеона. Бесстрашная, она продвигается на колеснице, запряженной четверкой лошадей, и сокрушает демонов и притеснителей. Все боги зовут к ней и просят у нее богатства, она обеспечивает плодородие природы и живущих существ, покровительствует стадам и пастбищам. Ахура-Мазда – верховный бог зороастризма, доверяет ей заботу наблюдать за творением. Это божество напоминает греческую Анатиду (Анатис), почитавшуюся в Малой

¹ Джаббаров И. Дресвянская Г. Духи, святые, боги Средней Азии. Ташкент, 1993. С. 73.

² Дервиш Р.А., Левтеева Л.Г., Мусакаева А.А. Памятники истории, религии и культуры в Узбекистане. Ташкент, 1994. С. 46.

Азии. Все Среднеазиатское Двуречье покрывали в ту пору большие и малые реки и озера, покровительницей которых считалась Анахита³. Анахита олицетворяла не только воды Аму-Дарьи, но также почиталась как богиня плодородия⁴. Цветок граната был символом Анахиты. Несмотря на то, что культ женского божества Анахиты угас в VIII в. н.э., когда в Средней Азии воцарился ислам⁵, функции, которые выполняла Анахита, прежде всего – забота о продолжении человеческого рода, сохранился в Центральной Азии и после распространения ислама только в виде других духовных образов⁶. Примечательно, что культ Анахиты долго существовал в Центральной Азии, что подтверждают находки в Хорезме (Кой-Крылган-кала), Бухаре и Самарканде. Так, Самаркандской экспедицией 1941 г. было обнаружено изображение Анахиты у мавзолея супруги Амира Темура Биби-ханым⁷.

В пору раннего средневековья увеличивается значение городов как центров культуры и идеологии. Наиболее крупную роль в период раннего средневековья в Средней Азии играет Согд. Согдиана, расположенная в долине Зарафшана и Кашкадарьи, в этот период сыграла важную роль в развитии торговли и культуры⁸. Значительным культурным центром Тогда был Пенджикент (V–VIII вв.). В городе существовало два храма для совершения обрядовых действий. Данные храмы были связаны с зороастризмом и маздакизмом, переплетаясь с местными культами, в том числе Анахиты. Учитывая, что женская фигура в одном из них изображена с языками пламени за плечами, нимбом над головой, с распростертыми руками, в которых она держит символ луны и солнца, можно сделать вывод, что женское божество занимает верховное и центральное положение в пантеоне среднеазиатских божеств⁹.

Буддизм проникает в Среднюю Азию с конца I тыс. до н.э., идейно укрепляя власть к правителей Кушанской империи (I–IV вв.). Особое почитание в Средней Азии в это время приобрела **Дурга**, одна из ипостасей деви – божества шиваистского пантеона. Об этом свидетельствует находка в Хорезме двенадцати чаш периода III–VII вв. с изображением Сиявуша – иранского принца, женившегося на туранской принцессе, а также четырехрукой богини Дурги, восседающей на льве. На одной из хорезмийских чаш Дурга держит эмблемы Луны и Солнца. Также изображение многорукой богини встречается в Уструшане (Джизаке) и Пенджикенте¹⁰.

В период раннего Средневековья в Хорезме появляется образ синкретического женского божества, складывавшегося в Согде как результат наслоения различных представлений тюркских, буддийских, маздеистских и иных народов в виде черырехрукой прекрасной женщины, сидящей на льве с атрибутами космической и земной власти в руках.

В период, когда Средняя Азия выступала ареной для образования новых государственных объединений, в результате которых южные районы вошли в состав Сасанидского государства, а северные стали областью формирования государства Эфталитов в середине V в., затем Западнотюркского каганата в середине VI–VIII вв., непосредственные культурные связи с южными центрами буддизма ослабли, что также стало одной из предпосылок ослабления влияния буддизма на культуру местного населения¹¹.

С другой стороны, крепкие торговые, дипломатические и культурные отношения с Китаем способствовали распространению китайской культуры и характерных для нее образов божеств в Центральной Азии. Начиная со II в. до н.э. из Китая через Центральную Азию по Великому Шелковому пути шли купеческие караваны, в которых бывало иногда до 10 тыс. верблюдов, лошадей, мулов, навьюченных разнообразными товарами. Больше всего везли

³Ртвеладзе Э. В. Цивилизации, государства, культуры Центральной Азии. Ташкент, 2005. С. 241.

⁴Толстов С.П. Народы Средней Азии и Казахстана. М., 1962. Т. 1. С. 63.

⁵Снесарев Г. П. По следам Анахиты. Этнографы рассказывают. М., 1978. С. 98.

⁶Рапопорт Ю.А. Из истории религии древнего Хорезма. М., 1971. С. 82.

⁷Дервиш Р.А., Левтеева Л.Г., Мусакаева А.А. Памятники истории... С. 35; Толстов С.П. Народы Средней Азии... С. 61.

⁸Дервиш Р.А. С. 117.

⁹Джаббаров И. Дресвянская Г. Духи, святые, боги... С. 118.

¹⁰Гюль Э. Диалог культур в искусстве Узбекистана. Античность и средневековье. Ташкент, 2005. С. 81.

¹¹Джаббаров И. Дресвянская Г. Духи, святые, боги... С. 98.

шелка – удобного для дальних перевозок, легкого и высоко ценимого. Шелк оказался не просто товаром, шелк стал символом любви, красоты и власти. С ним было связано развитие новых профессий, видов изобразительного искусства, а также мифов и легенд.

Письменные источники свидетельствуют о почитании древними китайцами шелкового червя и шелкоткачества. В мифах, дошедших до нас во фрагментах, шелковица – это священное дерево, олицетворение солнца и символ плодородия. Так, в одном из самых распространенных мифов древности говорится о «Шелковице Фу», т. е. «Огромном дереве»: «Девять солнц живут на его верхних ветвях, одно – на нижней ветке». Важным культовым центром в древнем Китае была местность на территории современной провинции Шаньси, где на горе росла священная полая шелковица. Согласно легенде, в ее дупле был найден младенец Инь, ставший родоначальником одного из могущественных родов иньского Китая (XVI–XI вв. до н.э.). Самым известным в Китае древним святилищем можно считать Тутовую рошу (современную провинцию Шаньдун), в которой происходило знаменитое моление о дожде первого иньского правителя – Тана (1765–1759 гг. до н.э.). По свидетельству «Каталога гор и морей» и «Описания всех вещей», божество шелкового червя считалась женщина, которая стоит у дерева на коленях и производит шелковую нить. Это божество выступало сразу в двух женских ипостасях, которым императрицы приносили ежегодные жертвы. В соответствии с ханьским ритуалом императрица сама собирала листья с шелковых деревьев и совершала жертвоприношения божеству шелкового червя¹². По традиционным представлениям, шелколичный червь и лошадь были проявлениями женского пассивного начала – Инь. В утраченном ныне сочинении эпохи Тан (начало VII – начало X в.) «Чэн и цзи» сообщается, что во многих сычуанских храмах есть статуи женщины в лошадиной шкуре. Ее называют «девушкой с лошадиной головой» и почитают как покровительницу шелководства.

Культ шелководства был персонифицирован в образе небесной ткачихи – звезды Вега в созвездии Лиры к востоку от Млечного Пути. Образ небесной ткачихи неоднократно встречается в ханьском изобразительном искусстве и упоминается в поэзии того времени. По данным большинства древних письменных источников, появление в Китае шелководства связывалось с именем жены легендарного императора Хуан-ди по имени Лэй-цзи, которая научила народ шелководству и земледелию. Эта легенда давно известна на Западе, и почти каждая работа по истории шелководства начинается с упоминания имени Лэй-цзи¹³.

Гуань-ши-инь, реже **Гуань-цзы-цзай** (китайский перевод санскритского имени Авалокитешвара), – в буддийской мифологии божество, выступающее преимущественно в женском облике, спасающее людей от всевозможных бедствий, подательница детей, помощница в родах, покровительница женской половины дома. Наиболее частые варианты изображения Гуань-инь – четырехрукий, восьмирукий и одиннадцатиликий, тысячерукий идол. Обычные атрибуты: кувшин с веткой ивы, веревка (символ спасения от бед), книга («Праздника парамита»), четки, посох, трезубец, юбка из тигровой шкуры (символ бесстрашия). У тысячерукого изображения на ладони каждой руки глаз; глазами Гуань-инь видит одновременно всех находящихся в беде в бесчисленных мирах вселенной, руками спасает их. Свободные от атрибутов руки слагаются в мудра (жесты пальцев и рук) бесстрашия и исполнения желаний. Каноном предусмотрены и другие, более сложные изображения Гуань-инь вплоть до 84 000-рукого и 84 000-ликого. В китайских легендах, зафиксированных в повествовательной литературе, Гуань-инь выступает как в женском облике «великой печальницы», так и в грозном обличье – как активный борец со злом. В Китае, а также в Корее и Японии Гуань-инь – едва ли не самая популярная в народе буддийская святая¹⁴. Согласно мифу, она родилась в эпоху династии Чжоу в семье некоего

¹² Великий шелковый путь. URL: http://www.revolution.allbest.ru/history/00357763_0.html (дата обращения: 16.12.2018)

¹³ Там же.

¹⁴ *Меньшиков Л.Н.* Гуань-инь // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 1. URL: http://www.onlineslovari.com/entsiklopediya_mifologii/page/guan-in (дата обращения: 20.12.2018).

злого правителя. Она была очень набожной и хотела стать буддийской монахиней, но отец воспротивился этому и приказал убить ее. Душа Гуань-инь попала в преисподнюю, но своей чистотой и святостью она преобразила эту мрачную обитель в райский сад. Боги преисподней испугались и взмолились Будде, чтобы он избавил их от этой напасти. Тогда Будда воскресил Гуань-инь. Вскоре отец Гуань-инь заболел и ослеп. Гуань-инь отдала ему свои глаза. Тронутый этим самоотверженным поступком, правитель исправился и обратился к добру. Как только это случилось, Гуань-инь вновь прозрела¹⁵. В Центральной Азии она почиталась китайскими переселенцами в Ферганскую долину.

Следующая богиня-покровительница – **Си Ванму** («Владычица Запада»). В китайской мифологии – чудовище с человеческим лицом, зубами тигра и хвостом леопарда, которое правит демонами болезней и известно, как божество эпидемий; однако позже Си Ванму предстает как прекрасное воплощение женского начала, обладательница снадобья бессмертия, правительница западного рая бессмертных в горах Куньлунь. Си Ванму изображалась красивой женщиной в придворном одеянии, иногда верхом на журавле. Она обитала в девятиэтажном дворце из жадеита, окруженном золотой стеной более двух тысяч километров длиной. Бессмертные мужчины жили в правом крыле ее дворца, женщины – в левом. В саду богини росли персики бессмертия. Дерево плодоносило один раз в 3 тыс. лет. Когда персики созревали, Си Ванму приглашала всех бессмертных, и они лакомились чудесными плодами. Считалось, что благодетельная богиня дарила персики бессмертия некоторым правителям Древнего Китая. Си Ванму известна как супруга Югуана, повелителя востока. Существует предание, что она встречалась с ним один раз в год на крыле гигантской птицы, что символизирует союз инь и ян¹⁶. Это божество в Средней Азии особенно почиталось китайскими купцами. Его также почитали согдийские купцы переселившиеся Восточный Туркестан и натурализовавшиеся там.

Большие изменения в это время претерпевает переднеазиатская богиня **Нанайя** или **Нана**, слившаяся в кушанском пантеоне с образом богини Парвати – супруги Шивы. Нанайя – аккадская богиня войны, близка к Инанне и Иштар. В дальнейшем культ распространился за пределами Месопотамии – в Сирии и Иране, где сохранился вплоть до сасанидских времен¹⁷. Образ Наны постепенно сливается с образом Анахиты, выступает в образе четверорукого женского божества, восседающего на троне в виде дракона, является покровителем водной стихии, покровительницей реки Зарафшан¹⁸.

Главным божеством у тюрков являлся верховный бог Тенгри (небо) и Куктенгри (голубое небо)¹⁹. Проживавшие в Средней Азии тюрки исповедовали культ «Духа синего неба» – Тенгри²⁰, поклонялись ему, просили покровительства и защиты. С верховным божеством Тенгри у тюрков был также связан культ коня: люди верили, что лошадь видит злых духов и может защитить от них²¹. Необходимо заметить, что у божества Тенгри была дочь – **Алтын** – в алтайской мифологии небесная дева, которая славилась красотой, умением чародействовать²². В мифологии монгольских народов была известна **Охин-Тенгри** – женское небесное божество, относившееся к разряду джинов – грозных божеств, гневное воплощение богини Цаган Дарэке (Белая Тара). Наделенная функциями божества времени, связанная с судьбой и загробным миром, Охин-Тенгри также выступает богиней-матерью и всеобщей прародительницей. В различных традициях Охин-Тенгри рассматривают как благодетельное божество или божество смерти, особенно детской²³.

¹⁵ Гуань-инь. URL: <http://www.legendami.ru/bod/china/china46.htm> (дата обращения: 12.12.2018)

¹⁶ Си Ванму // Энциклопедия мифологии. URL: <http://www.godsby.ru/orient/xiwangmu.html> (дата обращения: 12.12.2018).

¹⁷ *Валянская О.П.* Женщина в мифах и легендах // Энциклопедический словарь. Ташкент, 1992. С. 189

¹⁸ *Джаббаров И. Дресвянская Г.* Духи, святые, боги... С. 134.

¹⁹ *Дервиш Р.А., Левтеева Л.Г., Мусакаева А.А.* Памятники истории... С. 29–30.

²⁰ *Короглы Х.Г.* Взаимосвязи эпоса народов Средней Азии, Ирана и Азербайджана. М., 1983. С. 15.

²¹ *Дервиш Р.А., Левтеева Л.Г., Мусакаева А.А.* Памятники истории... С. 22.

²² *Валянская О.П.* Женщина в мифах и легендах... С. 22.

²³ Там же. С. 207.

Также тюрки, в частности уйгуры, почитали Венеру – **Чолпон**, которую считали самым ярким светилом после Луны и Солнца. В народе Венеру называли Асманэркизи (Баловница неба), Кут юлдуз (Счастливая звезда), Танэлчили (Посланница рассвета). Девушки и юноши обращались к Венере, считая, что она осчастливит их.

В сказаниях большинства тюркских народов их великой прародительницей считается легендарная **Умай**. В мифологии тюрков богиня Умай олицетворяет женское земное начало и плодородие. Умай считается женой верховного бога Тенгри, покровительствует воинам. У огузов Умай считалась духом-покровителем младенца во чреве матери. У казахов Умай-ене – дух-покровитель детей. Также сложилось предание о родниках Умай, согласно которому мать больного ребенка повесила браслет из семи бус на дерево в дар богине Умай, но ниточка браслета порвалась и на месте, где упали бусины, забили роднички. Мать принесла родниковой воды ребенку и, отпив пару глотков, он стал здоров. С тех пор в народе вода из этих семи родников считается целебной. Урочище, где они бьют, люди стали называть Умай булак – родник богини Умай. Говорят, что, если прийти на это место рано утром, можно увидеть на дне родников бирюзовые бусинки²⁴. Киргизы считали, что Умай дарует богатый урожай и умножает скот. С распространением ислама она стала отождествляться с Фатимой – дочерью пророка Мухаммада²⁵.

Умай генетически связана с иранской мифологической птицей Хумай (Симург), которая, бросая свою тень на человека, делает его счастливым. В эпосе «Рустамнаме» Симург выступала в качестве лекаря, спасая жизнь матери Рустама Рудабе и часто помогая главному герою, что также связано с рождением детей и покровительством рожениц²⁶. Согласно древним поверьям, в горной области на южном побережье Каспийского моря около Табристана в Данбаванде (Демаванде), на горе и вулкане обитала сказочная птица Симург²⁷. Возможно, из-за этого путешественники поклонялись данному месту, прося у нее защиты и покровительства.

Сложившийся образ прародительницы и хранительницы тюркских и монгольских народов- образ **Алан-Кувы** запечатлен в истории как женщина, которая дала жизнь великим и особенным людям. Свое происхождение от Алан-Кувы берут великие государственные деятели: Чингисхан, Амир Темур. Монголы называли ее Алангу-Алан-гоа, Алун-гоа или Эши-хатун («Матушка – корень рода»). Алан-Гоа была супругой охотника Добу Мергена, когда Добу Мэргэн умер и Алун-гоа жила, не имея мужа, у нее родился Боданчар. По преданию он был сыном вечного Тенгри. К матери Алан-гоа он пришел сверху (с Неба), соединился с ней белой каплей, тогда и родился Боданчар²⁸. Этот сюжет играет важную роль в истории эпохи Чингисхана, так как позволяет подчеркнуть особую миссию Чингисхана, как человека, избранного небом для великих свершений, а также неизбежность верховной власти потомков Алан-гоа. Большое значение монголы придавали семантике солярных знаков: образ сокола – родового тотема Есугей-батара и Чингизхана, также солнца и луны в когтях сокола²⁹.

Известный востоковед А.А. Семенов обратил внимание, что нефритовое надгробие Амира Темура, а также надгробие его сына Мираншаха содержат примечательный текст родословной рода Сахибкирана. Согласно этому тексту, род Темура восходит к амиру Бузанджиру, о котором говорится: «И не был известен отец у сего благородного, исключая того, что его мать была Аланкува. Сообщается, что она зачала его от света, который проник к ней через горную дверь и предстал перед нею в образе совершенного человека. Он рассказал, что он – из сыновей повелителя правоверных Алия, сына Абу Талиба; и

²⁴ Казахские сказки. Қазақертегілері «Умай булагы» (Родники Умай). URL: <http://tale.kazakh.ru/28237> (дата обращения: 10.12.2018).

²⁵ *Валянская О.П.* Женщина в мифах и легендах... С. 266.

²⁶ *Короглы Х.Г.* Взаимосвязи эпоса... С. 52.

²⁷ *Калинина Т.М.* Сведения ранних ученых арабского халифата. М., 1988. С. 56.

²⁸ *Шакарим Кудайберды-улы.* Родословная тюрков, казахов, киргизов. Династии ханов / пер. Б. Каирбекова. Алма-Ата, 1990. С.120.

²⁹ *Тугутов А.И.* Монгольская семантика // Восток (Oriens). 2011. № 3. С. 29–30.

неоднократно подтверждают ее (Аланкува) притязания на него (сына Алия) ее благородные потомки, во все времена победители над всеми». В частности, Темуриды в своей родословной претендуют на происхождение от Борджигинидов (потомков Аланкува), считающимися среди монголов священным правящим родом. В «Муджамал-и-Фасихи», написанным Фасихи ал-Хафави – одним из чиновников Шахруха- младшего сына Амира Темура, текст родословной Темуридов ограничивается перечислением списка предков до Аланкува (Алан Тава-хатун)³⁰.

Прародительницами таджиков выступают сорок дев – **Кырк-кыз**³¹. Древний пласт представлений о Кырк-Кыз содержится в поздних генеалогических предания киргизов, где они выступают в качестве родоначальниц, давших имя народу³². Интересно, что тотемом древних киргизов была птица Гыргы– ястреб³³. Возможно, киргизы берут свое происхождение либо от «сорока девушек», либо от ястреба («народ ястреба»), что также соответствует менталитету одного из самых воинственных тюркских племен.

Прародительницей одного из киргизских племен Бугу (олень) в киргизской мифологии выступает **Мюйюздую Эне** – дочь кайына – божества-покровителя диких животных. Согласно поверью, два охотника увидели двух детей с оленьими рогами: мальчика и девочку. Убив мальчика, девочку забрали, и глава племени отдал ее замуж за своего внука. По другой версии, когда охотник захотел убить оленя, его остановила красивая девушка, сказав, что это ее брат. Охотники пощадили оленя, и в благодарность Мюйюздую Эне вышла замуж за одного из них. Женщина запрещала мужу смотреть, как она моет голову, но однажды он нарушил обещание, и она умерла. Мюйюздую Эне считается покровительницей озера Иссык-Куль³⁴.

С водной стихией и плодородием связано широко почитавшееся божество **Албасты (Албаста)**. С. М. Андреев приводит сведения, что родиной демона Албасты является именно Средняя Азия³⁵. Албасты обычно представлялась в облике уродливой женщины с длинными светлыми волосами и такими длинными грудями, что она закидывает их за спину. Существовали поверья, что Албасты может превращаться в животных и неодушевленные предметы. Киргизы и казахи различали черную (кара), наиболее вредоносную, и желтую (сары) Албасты. Обычные атрибуты Албасты – магическая книга, гребень, монета. В казахских мифах у Албасты есть муж – леший Сорель. По представлениям большинства народов Албасты обитает вблизи рек или других водных источников и обычно является людям на берегу, расчесывая волосы. Албасты может наслать болезнь, ночные кошмары, но в особенности вредит роженицам и новорожденным. В киргизских и казахских мифах Албасты крадет легкие (печень, сердце) роженицы, и как только она опускает их в воду, роженица умирает. Существует поверье, что беременная женщина не должна подходить к воде, чтоб не навлечь на себя беды. Но также считается, что, если завладеть волосом Албасты, ее можно подчинить. Албасты способствует обогащению своего хозяина, помогая ему излечивать заболевших по ее вине людей³⁶.

Образ Албасты восходит к глубокой древности и имеет аналоги в мифологии многих народов. У казахов Албасты представляется красивой женщиной. Обычно она сидит, распустив длинные волосы, а если к ней подойти, она может «скрутить», свести с ума. Обитает она в золе на заброшенных стоянках, в мусоре. Ее может распознать «чистый» безгрешный человек, которого она боится и избегает. Согласно другим сведениям, Албасты

³⁰ *Арапов А.В.* Памятники архитектуры Амира Темура как источник исторического знания. URL: <http://www.alexarapov.narod.ru/article2.html> (дата обращения: 14.12.2018).

³¹ *Валянская О.П.* Женщина в мифах и легендах... С. 143.

³² Там же. С. 144.

³³ *Древнетюркский словарь.* Л., 1969. С. 446.

³⁴ *Валянская О.П.* Женщина в мифах и легендах... С. 187.

³⁵ *Андреев М.С.* Таджики долины Хуф. Сталинобад, 1953. Вып. 1.; 1958. Вып. 2; *Абидова З.К.* История изучения женских персонажей Хорезмского пандемониума // Молодой ученый: Сб. науч. статей. Казань. 2014. № 6. С. 593–595.

³⁶ *Валянская О.П.* Женщина в мифах и легендах... С. 17–19.

может явиться в образе белокурой (желтой) девушки, безобразной особы женского пола, мальчика или девочки, лисы, козла, собаки³⁷. При этом В.Н. Басилов предположил, что Албасты изначально – добрая богиня, покровительница плодородия, домашнего очага, а также диких животных и охоты, которая с распространением более развитых религиозных учений, в частности ислама, была низведена до роли одного из злых низших духов³⁸.

Помимо прочего, в мифологии туркмен, узбеков Хорезма, уйгур, башкир и татар известно божество-демон, связанное с водной стихией, – **Юхва**. Это молодая девушка, в которую превращается, прожив много лет, зороастрийский дракон Аждарха. По представлениям туркмен и узбеков, Юхва выходит замуж за человека, поставив ему ряд условий, например, не смотреть, как она моет и расчесывает волосы, не гладить по спине. Однажды нарушив условие, супруг увидел, как Юхва снимает голову, а на ее спине змеиная чешуя. Считалось, что, если не погубить Юхву, она может причинить вред, а победить ее можно лишь в безводном месте³⁹.

Богиней земли и плодородия считалась **Руда** (Земная). Она же известна как богиня Солнца или планеты Венеры, а также богиня подземного царства. В древнеарабской мифологии Руда была верховным божеством. Изображалась она в виде обнаженной богини с плодами⁴⁰.

К стихии огня восходит культ **Жалмауыз Кемпир** – матери-покровительницы, которая выполняет функции хозяйки родового огня. Огонь считался символом мироздания, к нему относились с большим уважением. В мифологии казахов и киргизов также известно злое демоническое существо Жалмауыз Кемпир – выступающее в образе старухи с семью головами. Людоедка, похитительница детей, в образе легкого она плавает на поверхности воды, а когда приближается человек, превращается в семиглавую старуху, хватает и вынуждает отдать сына. У киргизов Жалмауыз Кемпир – демон – старуха в лохмотьях, живущая в горах, в лесу, далеко от человека, сосет кровь из-под колена у юных девушек, съедает жертву⁴¹. В мифологии казахов также известна безобразная ведьма – Мыстан Кемпир, которая подменяет детей, пытается хитростью обогнать бегуна во время состязаний, пожирает узников, содержащихся в подземном царстве. У киргизов Мастан Кемпир – демоническое существо, старуха, сосущая кровь из пятки человека. Также образ Мыстан Кемпир («Мастан-Кампир») встречается в узбекских сказках. Однако негативный образ Мыстан Кемпир восходит к культуре матери-покровительницы⁴².

Анбар-она – супруга святого шейха Занги-ота, жившего в XIII в., широко почитается на всей территории Узбекистана, особенно в Хорезме, где в ее образе угадываются черты зороастрийской покровительницы воды и плодородия Ардвисуры Анахиты. Анбар-она является покровительницей женщин и женских занятий, жена Хаким-ота, а после его смерти покровительница крупного рогатого скота Зенги Боба. К Анбар-она обращаются за помощью повитухи, знахарки, шаманки. С именем Анбар-она также связывают возникновение обряда, призванного стимулировать произрастание посевов и изготовление весеннего кушанья из проросшей пшеницы – сумалаяк⁴³. Существуют миф о долгих странствиях Амбар-она в поисках сына Хубби-Ходжи. Иногда ее отождествляют с голубем и связывают с более древними божествами-покровителями женщин⁴⁴. Так, известно, что образ голубя был посвящен Анахите. Одна из легенд, связанных с Анбар-она, относится к странному дереву, растущему рядом с ее мавзолеем в комплексе Занги-ота (Ташкентская область). По форме ветвистый ствол отдаленно напоминает традиционный деревянный гребень, каким пользовались в старину узбекские женщины, и легенда утверждает, что выросло это

³⁷ Мустафина Р.М. Представления. Обряды и культы у казахов. Алма-Ата, 1992. С. 127.

³⁸ Абидова З.К. История изучения женских персонажей... С. 593–595.

³⁹ Там же. С. 300.

⁴⁰ Там же. С. 227.

⁴¹ Валянская О.П. Женщина в мифах и легендах... С. 111.

⁴² Там же. С. 186.

⁴³ Валянская О.П. Женщина в мифах и легендах... С. 26.

⁴⁴ Гориунова О.В. Узбекская женщина, социальный статус, семья, религия. По материалам Ферганской долины. М., 2006. С. 296.

необычное дерево из случайно оброненного Анбар-она гребня. Существует обряд с вениками: каждый желающий может подмести дорожку, ведущую вокруг усыпальницы Анбар-оны, загадав при этом желание.

В мифологии узбеков известна **Суткътын (Сус-хотин)**, к которой обращаются во время вызывания дождя, а также **Момо-Кульдурок (Бабка Громовница)**. В некоторых районах Таджикистана известна **Оджуз**, отождествляющаяся с зимой, морозом и холодом. Она считается хозяйкой семи дней до весеннего равноденствия. По случаю воскресения природы весной в день весеннего равноденствия устраивалось празднество – Навруз, считалось, что в этот день злая старуха Оджуз умерла⁴⁵.

Дэвы– антропоморфные духи, преимущественно огромных размеров, обладающие невероятной силой. По поверью народов Средней Азии, дэвы обитали в логовах, расположенных к югу от Гиссарского хребта в Таджикистане⁴⁶. Особое почитание в Таджикистане получил Белый дэв, покровительствующий пряхам, а пятница была посвящена Белой богине – **Дэви Сафед**⁴⁷. В этот день пряжи воздерживались от работы а вечером приносили жертву.

В тюркской и арабской мифологии, в узбекских сказках существуют также **пари**– духи женщин. Пари выступают и как отрицательные существа, наводящие засуху и неурожай, и как положительный персонаж – красивая девушка, творящая добро. У таджиков пари предстают в антропоморфном и зооморфном обликах. Доброжелательные пари появляются в облике птиц, лягушек, черепах, тигра, девушки в синей, красной или белой одежде. Злые пари имеют отталкивающий вид и носят грязную одежду⁴⁸.

Также известна **Гул** – джин женского рода, враждебная к людям. Гул заманивает путников, убивает и съедает их⁴⁹. Почитали и злого духа **Аджину**, известную в мифологии таджиков, узбеков, каракалпаков, киргизов. Аджина выступал в образе женщины, внезапно увеличивающейся в размерах и превращающейся в великаншу, или в виде различных животных, чаще всего козла, блуждающего вдали от жилья⁵⁰.

Претерпел изменения под воздействием ислама и культ **момо**, у тюркских народов символизировавший духов женщин-предков и богинь. В своем первоначальном образе момо отождествляет жизненные силы, природу, все, что связано с представлением о рождении детей, сельской работой, обработкой земли, водными ресурсами. Момо представляют собой высшее начало, воплощенное в женском образе, восходящем к представлениям о всеобщей прародительнице – Великой Богине-матери, являющегося своего рода проекцией последней стадии жизни женщины, ассоциирующейся с пожилой, седой женщиной, ночью, холодным временем года, умирающей природой, убывающей луной⁵¹.

Показательно, что словом «момо» в таджикско-узбекской и казахской среде называют матерей, повитух, женщин, осуществляющих функцию сакральной защиты невест во время свадебного церемониала, уважаемых пожилых женщин, шаманок, часто оно прибавляется к имени святых. Например, у узбеков известна **Момо Хаво** – прародительница Ева. Она же фигурирует как супруга Адама Хавва. По преданиям Хавва уговорила Адама вкусить запретный плод, предварительно напоив его вином. После изгнания из рая Хавва и Адам, встретились около Мекки, где жили, умерли и были похоронены. По другой версии, Хавва похоронена в Джидде на Аравийском полуострове, как мать-прародительница человечества⁵².

«Момо» часто прилагается и к именам разных мифологических персонажей: например, Момо-Кульдурок и Момо-Гулдураг (дух производящий гром). В некоторых

⁴⁵ Горшунцова О.В. Узбекская женщина... С. 131–132.

⁴⁶ Короглы Х.Г. Взаимосвязи эпоса... С. 35.

⁴⁷ Там же. С. 27.

⁴⁸ Валянская О.П. Женщина в мифах и легендах... С. 210.

⁴⁹ Там же. С. 91.

⁵⁰ Валянская О.П. Женщина в мифах и легендах... С. 15.

⁵¹ Горшунцова О.В. Женское божество в системе религиозно-мировоззренческих представлений народов Средней Азии. URL: <http://www.uzluga.ru/potrd> (дата обращения: 24.12.2018).

⁵² Там же. С. 277.

селениях момо – дух, поселяющийся в доме и проказничающий⁵³. Известно множество наименований духов «момо», применительно к месту обитания. Существуют Момо и Калонмомо – руководитель всех духов Момо, Йулчимомо – покровительница в поездках и дорогах, Элчимомо – поддерживающая и помогающая живым, Хабарбармомо – оповещающая, Хабарбиёрмомо – вестница, предупреждающая о предстоящем, Гунгмомо – дух глухонемых женщин, Момопушти или Момомероси – дух родителей и родственников, занимающихся шаманством, Гумчимомо – помогающие найти потерянное и пропавших людей, Киннамомо – наносящий вред взглядом, Шалпармомо – дух забирающий силу и энергию, Шалойиммомо – дух, приносящий вред новорожденным и пытающийся их убить, Титтимомо, Очилмомо, Гулсунмомо, Ёзилмомо и Тувчигмомо – покровительницы беременных женщин и множество другие. Как видим, момо бывают добрыми и злыми. Как правило, имена злых духов момо открыто не называются людьми. Слово «момо» встречается и в названиях болезней: «кизилик-момо» – краснуха, «кора-момо» – ветрянка. Расхожим было представление, что если ты нечист, то момо на тебя взвалит груз. Человек с грузом должен был приносить в жертву барана, козу или испечь чалтак (блинчик, пылушку) и прочитать молитву⁵⁴.

О.А. Сухарева, уделявшая особое внимание проблеме происхождения женских образов, исследуя представления местных жителей о духах момо, предположила, что эти образы восходят к культу женских предков, который «на определенной ступени истории должен был существовать в той или иной форме у всех народов», а последующие трансформации могли появиться лишь сравнительно недавно в результате разложения прежних верований⁵⁵.

Таким образом, по Великому шелковому пути происходил культурный обмен, вместе с товарами приходили легенды, связанные с ними верования, новые технологии, изобретения и новые виды деятельности. Деятельность человека была связана с культом богов, святых. Исследования последних лет значительно прояснили вопрос становления и развития Великого шелкового пути, его влияния на экономику и культуру. Однако одним из перспективных аспектов изучения и исследования, на наш взгляд, остается проблема происхождения и эволюции культов духовных и мифических божеств, в том числе женских. Их изучение позволит по-новому оценить достижения наших предков, понять механизм взаимодействия межкультурной коммуникации и процесс трансформации духовной культуры на всем Евразийском пространстве. Женская духовная семантика, представленная разнообразным пантеоном божественных и мифологических образов, сыграла большую роль в развитии духовной культуры народов Средней Азии, в частности, синкретизировавшись с исламом, способствовала появлению новых образов почитаемых святых и покровителей.

Литература

Абидова З.К. История изучения женских персонажей Хорезмского пандемониума // Молодой ученый: Сб. науч. статей. Казань. 2014. № 6. С. 593–595.

Андреев М.С. Таджики долины Хуф. Сталинобад: Изд-во АН Таджикской ССР, 1953. Вып. 1–2. 527 с.

Арапов А.В. Памятники архитектуры Амира Темура как источник исторического знания. URL: [http:// www.alexarapov.narod.ru/article2.html](http://www.alexarapov.narod.ru/article2.html) (дата обращения: 14.12.2018).

Басилов В.Н. Культ святых в исламе. М.: Наука, 1970. 256 с.

Валянская О.П. Женщина в мифах и легендах: Энциклопедический словарь. Ташкент: Шарк, 1992. 238с.

⁵³ *Басилов В.Н.* Культ святых в исламе. М., 1970. С. 10–40.

⁵⁴ *Нарзуллаева Д.С.* Интерпретация образа «Момо» в узбекском фольклоре // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 28 (243). С. 71–73.

⁵⁵ *Сухарева О.А.* Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975.

Ртвеладзе Э.В. Великий шелковый путь. URL: [http:// www.revolution.allbest.ru/history/00357763_0.html](http://www.revolution.allbest.ru/history/00357763_0.html) (дата обращения: 16.12.2018).

Горишунуова О.В. Женское божество в системе религиозно-мировоззренческих представлений народов Средней Азии. URL: [http:// www.uzluga.ru/potrd](http://www.uzluga.ru/potrd) (дата обращения: 24.12.2018).

Горишунуова О.В. Узбекская женщина, социальный статус, семья, религия. По материалам Ферганской долины. М.: Восточная литература, 2006. 235 с.

Гуань-инь. URL: [http:// www.legendami.ru/bod/china/china46.htm](http://www.legendami.ru/bod/china/china46.htm) (дата обращения: 12.12.2018).

Гюль Э. Диалог культур в искусстве Узбекистана. Античность и средневековье. Ташкент: Mir-Inform, 2005. 270 с.

Дервиш Р.А., Левтеева Л.Г., Мусакаева А.А. Памятники истории, религии и культуры в Узбекистане. Ташкент: Укитувчи, 1994. 80 с.

Джаббаров И. Дресвянская Г. Духи, святые, боги Средней Азии. Ташкент: Университет, 1993. 189 с.

Древнетюркский словарь. М.: Восточная литература, 1969. 276 с.

Казахские сказки. Қазақертегілері «Умай булагы» (Родники Умай). URL: <http://tale.kazakh.ru/28237> (дата обращения: 10.12.2018).

Калинина Т.М. Сведения ранних ученых арабского халифата. М.: Наука, 1988. 157 с.

Короглы Х.Г. Взаимосвязи эпоса народов Средней Азии, Ирана и Азербайджана. М.: Восточная литература, 1983. 278 с.

Меньшиков Л.Н. Гуань-инь// Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 1. URL: http://www.onlineslovari.com/entsiklopediya_mifologii/page/guan-in (дата обращения: 20.12.2018).

Мустафина Р.М. Представления. Обряды и культы у казахов. Алма-Ата: Алмаатыпресс, 1992. 186 с.

Нарзуллаева Д.С. Интерпретация образа «Момо» в узбекском фольклоре// Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 28 (243). С. 21–34.

Рапопорт Ю.А. Из истории религии древнего Хорезма. М.: Наука, 1971. 224 с.

Ртвеладзе Э. В. Цивилизации, государства, культуры Центральной Азии. Ташкент: УМЭД, 2005. 120 с.

Си Ванму // Энциклопедия мифологии. URL: <http://www.godsbay.ru/orient/xiwangmu.html> (дата обращения: 12.12.2018).

Снесарев Г.П. По следам Анахиты. Этнографы рассказывают. М.: Восточная литература, 1978.

Сухарева О.А. Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М.: Наука, 1975. С. 63–85.

Толстов С.П. Народы Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1962. Т. 1. 480 с.

Тугутов А.И. Монгольская семантика // Восток (Oriens). 2011. № 3. С. 56–78.

Шакарим Кудайберды-улы. Родословная тюрков, казахов, киргизов. Династии ханов/ пер. Б. Каирбекова. Алма-Ата: Алматыпресс, 1990. 234 с.

References

Abidova, Z.K. (2014). Istoriya izucheniya zhenskikh personazhey Khorezmskogo pandemonium [The history of the research of female characters in the Khwarazmian pandemonium]. In *Molodoy uchyonuу. Sb. nuch. statey.* Kazan', 2014. No. 6, pp. 593-595.

Andreev, M.S. (1953). *Tadhiki doliny Khuf* [The Tajiks from the Khuf Valley]. Stalinabad, Izd-vo AN Tadzhijskoy SSR, vip. 1-2. 527 p.

Arapov, A.B. *Pamyatniki arkhitektury Amira Temura kak istochniki istoricheskogo znaniya* [Architectural Monuments as Sources of Historical Knowledge]. URL: <http://www.alexarapov.narod.ru/article2.html> (mode of access: 14.12.2018)

- Basilov, V.N. (1970). *Kul't svyatykh v islame* [Cult of Saints in Islam]. Moscow, Nauka. 256 p.
- Valyanskaya, O.P. (1992). *Zhenshchina v mifakh i legendakh: Entsiklopedicheskiy slovar* [Woman in Myths and Legends: Encyclopedic Dictionary]. Tashkent, Shark. 238 p.
- Rtveladze, E.V. *Velikiy sholkovyy put* [The Great Silk Road]. URL: http://www.revolution.allbest.ru/history/00357763_0.html (mode of access: 16.12.2018)
- Gorshunova, O.V. (2006). *Uzbekskaya zhenshchina, sotsial'nyy status, semya, religia. Po materialam Ferganskoy doliny* [Uzbek woman, social status, family, religion. On the materials of Fergana Valley]. Moscow, Vostochnaya literatura. 235 p.
- Guan'-in' [Tieguanyin]. URL: <http://www.legendami.ru/bod/china/china46.htm> (mode of access: 12.12.2018).
- Gyul', E. (2005). *Dialog kultur v iskusstve Uzbekistana. Antiquity and Middle Ages* [Dialogue of cultures in the art of Uzbekistan]. Tashkent, Mir-Inform. 270 p.
- Dervish, P.A., Levteeva L.G., Musakova A.A. (1994) *Pamyatniki istorii, religii i kul'tury v Uzbekistane* [Historical, religious and cultural monuments in Uzbekistan]. Tshkent, Ukiuvchi. 80 p.
- Dzhabbarov, I., Dresvyanskaya, G. (1993). *Dukhi, svyatyye, bogi Sredney Azii* [Spirits, saints, gods of Central Asia]. Tashkent, Universitet. 189 p.
- Drevnetyurkskiy slovar'* [Old Turkic Dictionary]. (1969). Moscow, Vostochnaya literatura. 276 p.
- Kazakhskiy skazki. Rodniki Umay* [Kazakh Fairy-Tales. Umay Springs]. URL: <http://tale.kazakh.ru/28237> (mode of access: 10.12.2018)
- Kalinina, T.M. (1988). *Svedeniya rannikh uchyonikh arabskogo khalifata* [Knowledge of the early scholars of Islamic Caliphate]. Moscow, Nauka. 157 p.
- Korogly, Kh.G. (1983). *Vzaimosvyazi epasa narodov Sredney Azii, Irana i Azerbaidzhana* [Interrelationships of epic literatures of the peoples of Central Asia, Iran and Azerbaijan]. Moscow, Vostochnaya literatura. 278 p.
- Menshikov, L.N. Guan'-in' [Tieguanyin]. In *Mify narodov mira. Entsiklopedia*. Vol. 1. URL: http://www.onlineslovari.com/entsiklopediya_mifologii/page/guan-in (mode of access: 20.12.2018)
- Mustafina, R.M. (1992). *Predstavleniya. Obryady i kul'ty u kazakhov* [Representations. Rites and cults among the Kazakhs]. Alma-Ata, Almaatypress. 186 p.
- Narzullaeva, D.S. (2011). Interpretatsiya obraza "Momo" v uzbekskom fol'klоре [Interpreting the Image of "Momo" in the Uzbek Folklore]. In *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 28 (243), pp. 21–34.
- Rapoport, Yu.A. (1971). *Iz istorii religii drevnego Khorezma* [From the History of Ancient Khwarazm]. Moscow, Nauka. 224 p.
- Rtveladze, E.V. (2005). *Tsivilizatsii, gosudarstva, kul'tury Tsentral'noy Azii* [Civilizations, states and cultures of Central Asia]. Tashkent, UMED. 120 p.
- Si Van Mu [Queen Mother of the West]. In *Entsiklopediya mifologii*. URL: <http://www.godsbay.ru/orient/xiwangmu.html>. (mode of access: 12.12.2018)
- Snesarev, G.P. (1978). *Po sledam Anakhity. Etnografy rasskazyvayut* [In the footsteps of Anahita. Ethnographers recount]. Moscow, Vostochnaya literatura.
- Sukhareva, O.A. (1975) *Perezhitki demonologii i shamanstva u ravninnykh tadjikov* [Vestiges of Demonology and Shamanism among the Lowland Tajiks]. In *Domusulmanskiye verovaniya i obryady v Sredney Azii*. Moscow, Nauka, pp.63–85.
- Tolstov, S.P. (1962). *Peoples of Central Asia and Kazakhstan*. Moscow, Nauka, vol. 1. 480 p.
- Tugutov, A.I. (2011). *Mongolskaya semantika* [Mongolian Semantics]. In *Vostok (Oriens)*. No. 3, pp. 56–78.
- Shakarim Kudayberdy-uly. (1990). *Rodoslovnaya tyurkov, kazakhov, kirgizov. Dinastiya khanov. Per. B.Kairbekova* [Genealogy of Turks, Kazakhs, Kirghiz. Dynasties of khans. Transl. by B. Kairbekov]. Alma-Ata, Almatypress. 234 p.

Статья поступила в редакцию 15.12.2018 г.